

**НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ**

**Алексей
МАКЕЕВ**

Предатель

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *А. Старикова*

Леонов, Николай Иванович.
Л47 **Предатель / Николай Леонов, Алексей Ма-
кеев. — Москва : Издательство «Э», 2016. —
352 с. — (МУРу — 90 лет. Лучшие романы
Н. Леонова).**

ISBN 978-5-699-92527-8

За свою долгую карьеру полковники Гуров и Крячко распутали не один десяток сложнейших дел, но со шпионажем они столкнулись впервые. Им поручено разобраться в деле государственной важности: найти «крота», который «сливает» за рубеж материалы о секретных разработках оборонного завода «Боникс». Основная проблема заключается в том, что «крот» в курсе, что его ищут, и он постарался максимально обезопасить себя: уничтожил все следы своей деятельности, ликвидировал начальника службы безопасности завода и затаился...

**УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-699-92527-8

© **Макеев А., 2016**
© **Оформление.**
ООО «Издательство «Э», 2016

У кого не случалось, что день не задался с самого утра? Да у всех бывало. Вроде бы и встал с той ноги, и в зеркало на себя посмотрел без отвращения, и жена при виде тебя не скривилась и даже завтрак приготовила. А вот только ворочается у тебя внутри маленький противный червячок, и ты заранее знаешь, что все у тебя сегодня пойдет наперекосяк. Может быть, это и называется интуицией?

Вот и Гуров, едва открыл глаза, как сразу же почувствовал, что ничего хорошего от предстоящего дня ему ждать не приходится. Во-первых, он проснулся на диване и, судя по закрытой двери спальни, его супруга, народная артистка России Мария Строева, еще изволила поживать. Вернувшись накануне после премьерного спектакля, на котором что-то почему-то пошло не так и вышел конфуз, она на ни в чем не повинного мужа с кулаками не бросалась, посудой не

швырялась, а только, очень живописно и пространно высказавшись в адрес режиссера и коллег, хватанула коньячку и завалилась спать. Для Гурова это было делом привычным — если уж черт угораздил тебя жениться на актрисе, то терпи, — и он предпочел устроиться в гостиной. А во-вторых, когда, собрав постель и сделав обычную утреннюю гимнастику, стараясь, однако, не шуметь, чтобы не разбудить жену, что в такой ситуации было чревато, Лев Иванович отправился в ванную, то, едва взглянув на себя в зеркало, сразу почувствовал, что неприятностей он сегодня огребет немерено. Настроение испортилось окончательно, и он, кое-как позавтракав, отправился на Петровку, пытаясь по дороге понять, откуда чего ждать. Резонансных дел у них со Стасом Крячко сейчас в производстве не было, то есть они, конечно, были — как же двум полковникам-важнякам без них, а то зачем же их кормят? — но лиходеи уже пребывали в узилище, доказательная база была собрана такая крепкая, что не подкопаешься, и оставалась исключительно писанина, которую они оба дружно не любили, но куда же без нее? Значит, нужно было ждать чего-то новенького, а уж на это их друг и начальник генерал Петр Николаевич Орлов был большой мастер!

Войдя в кабинет и встретившись взглядом со Стасом, обычно даже в самых поганных ситуациях источавшим оптимизм и демонстрировавшим бодрость духа, а сейчас неожиданно хмурым, Гуров усмехнулся и произнес известную присказку преферансистов:

— Двое нас!

— Трое! — поправил его Стас. — Нас Петр дожидается, — и тон у него был очень озабоченный.

В приемной генерала друзья с удивлением увидели двух крепких парней в камуфляже, с автоматами и даже в масках. Крячко, умевший при необходимости договориться даже с чертом, давно уже был в самых теплых — не путать с интимными! — отношениях с секретаршей Петра и вопросительно посмотрел на нее. Но она только сделала строгие глаза, и они вошли в кабинет. Он оказался пуст, а поскольку дверь в комнату отдыха была открыта, они двинулись туда — ну какие же могут быть секреты между многолетними друзьями? — да вот только войти не успели, потому что Орлов вышел оттуда к ним сам, но дверь за собой закрывать не стал. Выглядел он «по-домашнему», то есть был без пиджака, с расстегнутым воротником рубашки и приспущенным галстуком, и явно общался с человеком ему не

посторонним. А судя по тому, что из комнаты пахло сигаретным дымом, можно даже сказать — близким, потому что с некоторых пор курить у себя в кабинете Петр не разрешал никому.

«Что за чудеса? — подумал Гуров. — Зачем же тогда конвой в приемной? Нет, Петр явно готовит нам какую-то вводную. Как там в мультфильме? Предчувствия его не обманули!» Он глянул на Крячко, и тот согласно покивал ему головой — чутье на неприятности у Стаса было даже острее, чем у Льва Ивановича.

— Присаживайтесь! — предложил Петр, и они сели в кресла для посетителей перед его столом, а он, пододвинув стул, — рядом с ними. — Долго вам еще с бумажками ковыряться?

— Дня на два работы, — ответил Крячко, на всякий случай преувеличив.

— Отложите все в сторону — тут дело поважнее будет, — сказал Орлов.

— Да ты же сам с нас потом за нарушение сроков стружку снимать будешь, — возразил ему Гуров.

— Не буду! — твердо пообещал тот. — Так вот, ребята! Обратился ко мне с просьбой мой очень давний знакомый — у его друга беда большая приключилась, и надо

помочь. Я ему за вас, как за самого себя, поручился!

— Петр! Мы частным сыском не занимаемся! Мы люди государевы, и служба у нас такая же! — категорично заявил Гуров.

— Что? Компроматик на олигарха какого-нибудь проклянулся? И его, пока не поздно, отыскать надо вместе с шантажистом? — съехидничал Стас. — На чем же его, бедолагу, прихватили? На девочках? Или даже на мальчиках? Или в педофилию, убогий, ударился?

— Ну, зачем вы так? — раздался вдруг из комнаты отдыха приятный мужской голос с едва уловимым, но непонятно каким именно, акцентом. — Это дело действительно очень серьезное.

— Гюльчатый! Открой личико! — ернически попросил Крячко, которого понесло по кочкам, и какой только черт его в бок толкал? — Вы же, неуважаемый, небось с начальником нашим в лихие годы далекой боевой юности скорешились! А потом теплое хлебное место нашли и присосались к нему! А когда хозяина вашего за энное место жестко взяли, он приказал вам его из дерьма вытащить! Да только вы от сытой жизни все былые навыки растеряли! Вот и бросились к Орлову — выручай, мол! А тот, по старой дружбе, отказать не смог, вот и решил нас к

этому делу припрячь! А мы не дерьмовозы! Ясно, Гюльчатая?

Из комнаты в ответ не раздалось ни звука, а вот Орлов тихо сказал:

— Вон отсюда! — А потом, отбросив стул в сторону, вскочил и загрохотал: — Вон, я сказал!!! Вы что о себе возомнили?! Что круче вас только яйца?! Что вы самые пробивные?! Сопляки! Молокососы! Как ты говорил? — Он явно обратился к своему гостю: — Щенок может обгавкать волкодава, но сам от этого волкодавом не станет?

— Обтявкать, — поправил его невидимый собеседник.

— Вот-вот! Только вы не волкодавы! И даже не их щенки! Вы дерьмо собачье! Знать вас больше не желаю! Вон отсюда! — заорал Петр.

И Гуров, и Крячко смотрели на него в полном обалдении и не узнавали своего давнего друга, который действительно был на расправу крут и скор, да и рука у него была совсем не легкая, но не по отношению же к ним! Самое же главное, что Петр сейчас не играл на публику, как это бывало, когда он перед начальством устраивал им разносы — тогда-то они понимали, что это просто правила игры. Нет! Он сейчас не притворялся, ничего не изображал! Он дей-

ствительно был в самом настоящем бешенстве, и ярость его границ не имела!

Бесконечно растерянные Гуров со Стасом сочли за благо покорно удалиться, сопровождаемые самыми нелицеприятными высказываниями Орлова об их невысоких человеческих качествах, и, вернувшись в кабинет, уселись и недоуменно уставились друг на друга — их столы стояли напротив.

— Лева, ты что-нибудь понимаешь? — спросил Стас.

— Только то, что мы здорово подставили Петра — дело, видимо, действительно очень важное, — задумчиво ответил Гуров. — Надо было хотя бы узнать для начала, что случилось, а тут тебя переклинило. С чего бы это?

— Ну, во-первых, ты сам про государеву службу начал, — напомнил Стас. — Во-вторых, сегодня понедельник. А в-третьих... — он растерянно почесал затылок. — Да буря сегодня, наверное, магнитная.

— И когда же ты, друг Стас, на головушку скорбным стал? — хмыкнул Лев Иванович.

— Да ладно тебе! — отмахнулся Крячко. — Скажи лучше, что делать будем?

— Полагаю, в целях собственной же безопасности нужно подождать, когда Петр немного успокоится, а потом выяснить, что

же все-таки случилось, — предложил Гуров. — Ты попроси секретаршу, чтобы просемафорила нам, когда тучи разойдутся.

— Ох, не думаю я, что это сегодня будет — давненько я его таким не видел! И какой только черт меня за язык потянул?! — сокрушенно покачал головой Стас.

— Станислав Васильевич Крячко его зовут, — буркнул Лев Иванович. — Ладно! Что сделано, то сделано! А работу сполнять надо!

Они собрались было вернуться к своей столь нелюбимой писанине, когда открылась дверь и в проеме появился капитан Панкратов, был он, как и большинство в Главке, в штатском, а под расстегнутым пиджаком виднелась наплечная кобура. Войти он не стал, а так и остался стоять, прислонившись к косяку, одной ногой в коридоре, а другой — в их кабинете.

— Ну что, полкаши? Генеральские любимчики? Ткнули вас мордой в асфальт? — злорадно усмехнулся он. — Попробовали, каков он на вкус?

Крячко вскинулся, а вот Гуров и бровью не повел. Он и так знал, что очень многие в Главке, если не большинство, его сильно не любят, а проще говоря, ненавидят — Крячко доставалось просто за компанию, хотя ■ таких открытых высказываний уже давнень-

ко не было. Льва Ивановича не любили точно так же, как не любят в школе круглых отличников, даже если те совершенно нормальные ребята, не заносятся и дают списывать. Вот и Гуров никогда не заносился — просто ему было гораздо легче, мгновенно все проанализировав, выдать единственно правильное суждение или решение, чем долго и нудно объяснять, как он к этому выводу пришел, особенно, если он не совпадал с мнением руководства. Орлов не в счет — он хорошо знал цену Льву Ивановичу и верил ему на слово абсолютно, но вот остальное начальство!.. Вот уж у кого Гуров со своей независимостью костью в горле стоял! Ну, как какому-нибудь чинуше признать его превосходство над собой? Да легче уксусу выпить! Но приходится терпеть, потому что дела — они разные бывают. Есть такие, что можно и для галочки закрыть как-нибудь, а ведь еще и другие случаются. Где нужно до самой сути докопаться и истинного виновника найти. К кому тогда пойдешь? А к Гурову! И не потому, что, кроме этого тандема Гуров — Крячко, в Главке больше важняков нет, а потому, что они лучшие! Вот и приходилось чинуше свое самолюбие поглубже засовывать. Ну и как при этом не озлобиться? И что уж тогда говорить о рядовых сотрудиниках?

— Панкратушка! А в морду не хочешь? — ласково поинтересовался Стас.

— Да пошли вы оба! — с ненавистью бросил тот.

Оторвавшись от косяка, Панкратов направился в сторону кабинета Орлова, не потрудившись даже дверь закрыть, а Крячко недоуменно уставился на Гурова.

— Лева! Он что же, решил, что Петр нас в асфальт закатает или живьем слопает? А может, вообще с вещами на выход предложит?

— В частный сыск пойдем. Один раз у нас это уже хорошо получилось, — напряженно глядя на дверь, ответил Гуров, думая при этом о чем-то совершенно другом, а потом вскочил и со словами: — Нет, здесь что-то не так! — бросился в коридор.

Стас, хоть ничего и не понял, но, свято веря в интуицию друга, рванул следом за ним. И, словно он только и ждал их появления, Панкратов выхватил пистолет и начал стрелять в какого-то только что вышедшего из кабинета Орлова человека в гражданском, с закрытой черным мешком головой, которого сопровождали двое конвоиров — те, что ждали в приемной. Закрыв собой упавшего гражданского, на бедре которого расплывалось кровавое пятно, один из конвоиров, закинув автомат за спину, тащил

его обратно в приемную Орлова, а второй вскинул свой автомат, но выстрелить не успел, потому что в этот момент Гуров всем своим весом обрушился сзади на Панкратова. Пистолет у того вылетел, и он, извиваясь ужом, все пытался до него дотянуться.

— Ты что творишь, сволочь? — заорал Крячко, приходя на помощь Гурову.

— Пусти! — хрипел Панкратов. — У них мой сын!

Второй конвоир тоже подскочил к Панкратову и защелкнул на нем наручники. На шум выбежал Орлов и тут же заорал:

— Ты жив? Ранен? Что с тобой? — и обращался он вовсе не к Гурову или Крячко, а к неизвестному человеку.

— Кевлар еще никого не подводил, а вот ногу зацепило, — с трудом прошептал тот и добавил: — Течет твое корыто, генерал! — А потом спросил у своих, теперь уже получалось, что и не конвоиров вовсе, а охраны: — Как вы, ребята?

— Нормально! Наши броники еще и не такое выдерживали! Но синяк останется! — ответил один из них.

— Ну, от синяка не умирают, — заметил раненый.

— Мы срочно к себе, — сказал второй охранник Орлову.